

Сааринен Торо

26.05.03

Финский «Ветер» из Сенегала

На Чеховском фестивале представлен спектакль Торо Сааринена

Коммерсантъ - 2003 - 26 мая - с. 21.

фестиваль танец

Во МХАТе имени Горького показали спектакль «Ветер». ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА сожалеет, что его воздействию подверглись немногие.

Гигантский зал МХАТа на Тверской был, мягко говоря, полупуст. Причем половина зрителей, забредших на спектакль, не представляла, что, собственно, будут показывать. Такое возможно лишь в России — на театралов цивилизованного мира имя финского хореографа Торо Сааринена и японского композитора Яс-Каза действует как звук боевой трубы. Их «Ветер» гуляет по свету уже два года, вызывая приливы графомании у самых трезвых рецензентов.

На первый взгляд творческий симбиоз финнов с японцами и сенегальцами — типичная конъюнктура. Спекуляции на «праисторических» корнях современного танца — один из самых прибыльных видов хореографической деятельности. Под «взаимопроникновением культур» охотно дают деньги любые государственные фонды. Однако «Ветер», произведенный на свет с помощью первобытных африканских ударных, одни названия которых (джен-джен, самбанг, кенкени, сабар) рождают ассоциации с древними ритуалами, трудно обвинить в осовремененной этнографичности. Лишь мощная увертюра и финал отправляют в конкретную географическую точку: они

отданы на откуп трем сенегальцам, барабаны которых кажутся частью их сотрясаемых бойным ритмом тел. Сам же спектакль — медитативно-обволакивающий — выглядит почти природным явлением, не имеющим аналогов и прототипов.

Торо Сааринен лет десять назад бросил карьеру преуспевающего солиста Национального балета Финляндии для изучения старинных непальских танцев и послевоенного японского буюто. Переважив их, хореограф тщательно уничтожил следы влияния. В его языке, невозмутимо использующем все известные наречия (включая классический танец), восточный акцент проявляется разве что в неторопливой текучести

фраз, особой мягкости движений. В «Ветре» лексическое своеобразие хореографа становится структурой спектакля: непрерывное чередование солино, группового и дуэтного танца в самых различных сочетаниях выглядит прихотливой импровизацией. Однако за этой обманчивой расслабленностью скрывается точный композиционный расчет: поток танца под психоделическую японскую перкуссию затягивает, как морской отлив неопытного пловца.

В неодолимом течении «Ветра» выделяются три островка опоры. Солный танец самого Торо Сааринена вырастает из булькающей тишины. Скованные микрошаги и микрожесты

на скупом освещенном пятачке сцены неуловимо преобразуются в танцевальный циклон: бесшумные прыжки и мощные взмахи рук артиста постепенно раздвигают пространство обнаженных кирпичей закулисья. Центральный дуэт спектакля — эмоциональный эпицентр бури. Женщина и мужчина, неотрывно глядя в глаза друг другу, подстерегают малейший просчет противника. Вкрадчивые обводки, пробные выбросы батманов, паутина рук, тщетные рывки несостоявшихся верхних поддержек — при желании в этом абстрактном танце можно вычитать как трезвую хронику человеческих взаимоотношений, так и поэтический образ природной стихии.

Третья кульминация рождается на излете тайфуна: в сполохах света шевелится странное многорукое чудовище, пожирающее человека. Панические выбросы рук, конвульсии беспомощных ног жертвы постепенно затихают, растворяясь в варварской гармонии расшарившей природы. Хореограф Сааринен не видит в этом никакой трагедии. Совсем напротив — высшее счастье: в финале ликующий рокот африканских барабанов вызывает к жизни новый танцмарафон-перепляс. И попытка проанализировать этот 70-минутный поток хореографии оказывается делом безнадежным — как потуги описать природное явление вроде того же ветра.